

ЖУК АНАСТАСИЯ, Факультет народных инструментов

«Нет в России семьи такой, где не памятен был свой герой...» Кажется, эту песню знают все, от мала до велика. Фильм «Офицеры», вышедший на экраны в 1971 году, покорила сердца многих зрителей. Умели раньше снимать кино, кино про войну, хорошее кино (конечно, и сейчас умельцев в кинематографе достаточно, это я так говорю из личной любви к советским фильмам). Песня «Вечный огонь», написанная Рафаилом Хозаком на стихи Евгения Аграновича и исполненная Владимиром Златоустовским, оставила глубокий след в моей душе. Она заставляла меня плакать раз за разом, как только я её слышала. Будучи ребёнком очень чувствительным, ребёнком тонкой душевной организации и имеющим хорошо развитое воображение, я под эту незатейливую, на первый взгляд, мелодию рисовала в голове печальную картину, которая и вызывала такие эмоции. Но никакой даже в высшей степени восприимчивый человек не сможет услышать песни на военную тематику ушами человека, прошедшего войну. Никто не сможет увидеть фильм о войне глазами человека, видевшего этот ужас. Это непередаваемые эмоции. Даже если очень глубоко проникнуться, попытаться прочувствовать размах катастрофы, «ощутить на собственной шкуре» весь масштаб трагедии всё же не удастся.

Со времён окончания Великой Отечественной войны выросло уже много поколений, не заставших этой беды, не столкнувшихся с ней лицом к лицу. Мы живём без грохота бомбёжек, просыпаемся без чувства страха. Мы вообще можем спокойно спать. Нам есть где жить и что есть. Нас не терзает ежесекундно страх за жизнь близких. Уже за одно это мы должны благодарить Бога каждую минуту. А мы не благодарим. Принимаем спокойствие и отсутствие войны как должное. Как сыр в масле катаемся и ропщем по пустякам вдобавок. Что-то для нас навсегда упущено...

Слово «мир» для нас не более чем слово. Со словом «война» такая же история. Да, мы (многие из нас) прекрасно осведомлены, что это такое. Просто не под силу нашим умам и сердцам постигнуть всю их суть. А есть и такие особи, которые не хотят понимать, не хотят знать, осознанно избегают того, чтобы вникнуть в историю военных лет. В связи с тем, что живые свидетели войны уходят в небытие, ветеранов, живых носителей воспоминаний становится всё меньше и меньше, единственным источником информации являются книги, фильмы о войне, песни, мероприятия, посвящённые этой тематике – то бишь, не прямые проводники сведений. Так даже это умудряются игнорировать. Молодёжь не сильно-то и интересуется всем этим. Меня всегда ввергало в шок, а потом приводило в отчаяние отношение подавляющего большинства моих сверстников. Они просто потешались надо мной и теми, кто ронял слезу во время фильма о войне. Они недоумевали, как можно плакать над стихом про не вернувшегося с войны солдата и чувства его матери. Для них это так далеко, как и сама война. Мол, было и было, чего сейчас страдать-то. Но это не так страшно, это всего лишь говорит о том, что они когнитивно простые, умственно и душевно никуда не спешащие. Страшнее такие, кто сознательно выбирает не знать. Те, кто не хочет знать. Не читают, не смотрят фильмов, не ходят на концерты. Не вникают. Вот это страшно. С этим уже ничего не сделаешь. Николай Рерих говорил, что из камней прошлого строятся ступени грядущего. А Марк Туллий Цицерон высказывался: «История – свидетель прошлого, свет истины, живая память, учитель жизни, вестник старины». Так почему же мы позволяем выкидывать детальки из этого векового паззла?

Хотя в проекте фигурирует Россия, а моя семья из Беларуси, мне есть что сказать. Страна тогда была одна – Советский Союз. Мы можем найти информацию, что в ходе Великой Отечественной Белоруссия понесла колоссальные людские потери. Беда коснулась всех. Не было ни одной хаты, где бы не слышался плач. Остальные дома были попросту уничтожены, стёрты с лица земли. По некоторым данным погибло почти три миллиона человек. Около четырёхсот тысяч человек были вывезены на принудительные работы в Германию. Среди них оказалась свекровь мой двоюродной тётки, Колпинская Вера Андреевна. В августе этого года (2023) ей исполнится девяносто два года. Сейчас проживает в посёлке Новоелья Дятловского района Гродненской области. Не так давно наши родственники с её слов записали эту историю. У нас на руках остались только не совсем удачно отсканированные листы с этими воспоминаниями. Но обрезанные начала слов или орфографически неправильно записанные слова (разговаривала Вера Андреевна с трудом, да к тому же на тряснянке – смеси русского и белорусского языков, да ещё и с характерным акцентом) - ничего не мешает понять смысл текста, достаточно красочно увидеть эти события, как наяву происходящие. (Приложение 1)

Среди довольно ветвистой и широко разросшейся моей родословной (ведь раньше в семьях было по пятеро-шестеро детей) я осведомлена еще про деда моей мамы. Михаил Семёнович Довгач 1917 года рождения. Он уехал на фронт, но так случилось, что заболел тифом и был отправлен домой на лечение. Потом уже и не воевал. Я даже помню немного его. Он прожил почти что девяносто два года. У меня сохранилось какое-никакое воспоминание о нём. Когда я была маленькая и гостила у бабушки с бабушкой, мой дед капал ему капли для глаз. По-моему, Михаил Семёнович уже почти не видел. Смутно помню, как он выглядел. Довольно щуплый, маленький старичок. Это же означает, что я скорее почти не помню его, чем почти помню. Но всё равно чувствую к нему любовь и тепло. Такое чувство, что я успела прикоснуться к чему-то важному в этой жизни.

Остальные дедушки-бабушки по маминой линии 1924-1928 гг. рождения не воевали. Немцы проходили через их деревни, и грабили, и убивали. Но они как-то выжили. Бог уберёг. Женились уже после войны. По папиной линии мне дедушка рассказал о его отце. Аудиозапись его повествования я прикреплю. (Приложение 2). В записи мой младший брат просит у деда рассказать хоть что-нибудь, что осталось из воспоминаний о его прадедушке. Горжусь братом. Хорошо, что ему интересно. Хорошо, что живо в нём то, что сейчас редко сыщешь в окружающих.

Если вкратце пересказать дедушкину речь, выходит, что Жук Иван Семёнович родился в деревне Пелище Каменецкого района Брестской области ныне Республики Беларусь 22 июля 1915 года. Там окончил семь классов польской школы в 1930 году. В 1926 году был призван в польское войско города Пружаны, в кавалерийский полк №25. В 1938 году был демобилизован, а в 1939 году призван в ряды вооружённых сил СССР. В 1941-1945 годах участвовал в ВОВ, принимал участие в освобождении городов Белосток, Седлец, Варшава, Лодзь, Познань, Гнезно, Вроцлав. После окончания войны вернулся в свою деревню. Женился в 1942 году, в 1950 году вступил в колхоз. Был директором маслозавода, работал охранником на автобазе в автоколонне Пелище. Неоднократно был премирован за хорошую работу. Был удостоен наград: Медаль за победу над фашистской Германией, 20 лет победы над Германией, Знак планёра (1935г.). Аудиозапись я прикреплю, так как голос моего дедушки – тоже память. Родных братьев и сестёр моей бабушки по папиной линии разбросало по

всему Советскому Союзу. К моему огромному сожалению, бабушка не поддерживала с ними связь. Эти семьи навсегда утеряны в нашем родословном древе. Лично мы с мамой никогда не могли понять, насколько сильно, как и за что можно обижаться на людей, чтобы навсегда сжечь мосты с самыми близкими, с самыми родными людьми. Но не нам судить. У меня лишь двое родных братьев, двое двоюродных братьев и, к счастью, тьма тьмущая троюродных братьев и сестёр. Я даю себе обещание, как бы ни были не дружны и разрозненны на сегодняшний день, мы никогда не забудем друг о друге. Между нами нити я не дам разорвать. Даже сейчас мы изредка, но поддерживаем связь. А раньше так вообще мы собирались всей огромной семьёй на свадьбы. В общем, кое-какой урок, копаясь в биографиях родни, я уже извлекла.

Да, наша семья не является образцовой в плане хранения семейных реликвий, мы не ходим на парады с огромными портретами воевавших предков, мы сходу не назовём по имени всех прадедушек и прабабушек, можем путаться в датах лет их жизни, мы не навещаем деревеньки, выходцами которых были наши деды. Но, клянусь, у нас в сердцах есть эта любовь, эта память, эти чувства. Мы плачем над военными фильмами не только 9 мая и в его канун, когда по телевизору только их и показывают. Мы поём песни военных лет, с детства для меня это происходит как само собой разумеющееся. «Этот вечный огонь нам завещан одним, мы в груди храним...» Мы действительно в душе храним.

Историю необходимо знать, чтобы не повторить ошибок, чтобы быть во всеоружии всегда. Как верно подметил Уинстон Черчилль: «История рода человеческого – война. Помимо кратких и ненадёжных промежутков на Земле никогда не было мира». И нам надо меняться к лучшему. Беречь эти бесценные ценности, хранить в сердцах память о случившемся, чтить погибших земляков. Недаром история – «сокровищница наших деяний, свидетельница прошлого, пример и поучение для настоящего, предостережение для будущего», - Сервантес. Надо начать меняться. Иначе, чувствую, нас ждёт беда и может случиться непоправимо

Приложение 1

1941 год. Ничто не предвещало никаких ужасов. Люди жили и мирно трудились. Я жила в то время в деревне Выжновичи, Пинской области, Жабчицкого р-на, Паршевичского с/с. Сейчас это Брестская область, Пинский р-н. В семье были: отец, мать и пятеро нас детей. Самая старшая сестра Мария уже была замужем и жила у свекра со свекровью. У нее был маленький мальчик. Мне в то время было десять лет, старшей сестре Юле – 14 лет, старшему брату Алексею – 12 лет и самой младшей сестре Наде – 8 лет.

Воскресенье, 22 июня. Отец и мать ночью на телеге уехали в Пинск на базар. По рассказам родителей, они не доехали до Пинска, так как была страшная бомбежка. В восьми километрах от нашей деревни находился аэродром, который бомбили фашистские самолеты. Короче, началась вторая мировая война, самая страшная и кровавая в истории человечества. Я ее никогда не забуду. Без предупреждения, фашистская Германия напала на Советский Союз. Бомбили Брестскую крепость. Война началась в 4-ре часа утра, а часов 8-мь утра немцы уже были в городе Пинске. От бомбежек аэродрома в нашей деревне в домах вылетали окна с рамами, в нашем доме тоже. В деревне паника, слезы, а мы одни без родителей остались, не знаем куда бежать и что делать. В первый день войны уже пришлось испытать такой ужас. Ночь, а родители не возвращаются, оказывается их задержали немцы, рядом с аэродромом была деревня, которая сгорела дотла. И всем людям, кто ехал в Пинск, нужно было возвращаться какими-то обходными путями, только к утру следующего дня вернулись родители. К счастью не было предела, казалось и война нипочем.

Начались военные будни. На второй день войны бала объявлена мобилизация. Мужчин забирали на фронт, а немцы в свою очередь молодежь угоняли на работу в Германию. Многие из ребят ушли в лес, позже присоединились к отрядам партизан. В деревне стало жить страшно. Остались старики да дети. Каждый день господствовали в деревне немцы. Забирали у людей все, что только могли. Собирали яйца, молоко, масло, сало, ловили кур, на глазах у людей откручивали им головы, а чем дальше в лес, тем больше дров, стали забирать коров, свиней. Однажды явились к нам во двор, хотели забрать корову, помню, как мы плакали.

На счастье у нас была очень шустрая корова, ее мать всегда привязывала за рога, когда доила. И вот только немцы открыли дверь в сарай, корова испугалась, как рванула из сарая, перепрыгнув ворота, и убежала в лес. Пришла сама домой только на второй день. Немцы, правда, стояли и смеялись, что такая спортивная корова. Вот таким чудом она у нас и осталась.

Вспоминая то, что было в то время, про войну. Переносила все это на себе.

В общем, жить с каждым днем становилось ужаснее. Приходили почти каждый день в деревню похоронки, одни слезы и крики. Немцы все чаще дывались в деревню. Отряды партизан росли.

Ночью приходили в деревню партизаны за пропитанием, а днем — немцы. Немцы угрожали людям, что мол, если узнаем, что кто-либо имеет дело с партизанами, сожжем всех. Люди очень боялись, боялись ночевать в их домах, поэтому объединялись несколько семей, рыли погреба или ямы, там и жили, ну, а кто постарше поочередно дежурили. Летом уходили в лес, или шалаши так и жили там, кто имел забирал и скотину в лес. Боялись ночевать дома и потому, что немец, когда почуял свой крах, начал отступать, кружил ночью деревни и угонял людей в Германию на каторжные работы.

У нас на Полесье было очень много партизан, которые орудовали в тылу врага: подрывали мосты, пускали под откос эшелоны с живой силой и со всем тем, что шло на фронт врагу. Однажды помню такой случай: это уже 1943 год ранней весной. К вечеру понаехало полная деревня немцев. Они не знали, что не знают чего, все думали жесть деревню и людей. Ходят, по-немецки считают хаты, мы жили с конца от леса, и нашу хату считают, конечно, у нас, детей, поджилки трясутся. Тем временем немцы по 10-12 человек распределились на ночлег. Мать и отец, помню, дрожали от страха, говоря: "Не дай бог, партизаны явятся ночью", а так бывало, тогда всем спать. Рано утром на рассвете немцы поднялись, да они и не спали, были на чеку, и, оказывается, пошли в лес на облаву партизан. Партизан никто не обнаружил, но по возвращении из леса не вернулся один немецкий высокопоставленный чин. Он, как оказалось, был верхом на лошади. Лошадь на второй день одна вернулась в комендатуру, а немца так и не нашли. Немцы подумали, что его убили партизаны, поэтому того же дня к деревне явился в деревню карательный отряд СС, и предъявили старосте ультиматум. Найти этого немецкого офицера, в противном случае деревня будет сожжена вместе с людьми. Можете представить на миг, что мы малые и старые чувствовали тогда — это трудно представить. Второе сказали: а вы знаете, тот, кто найдет его, будет награжден, тем же его конем и 500 марками. Утром следующего дня вся деревня вместе с карательным отрядом взялись, чуть ли не за руки, в том числе была и я, прочесывали лес в поисках погибшего немца. Долго бродили по лесу и безуспешно, но, возвращаясь обратно случилось чудо. Переходя брод, который переходился в том олешике, именно наш сосед Вася, лет 14, наткнулся на человека — был тот самый немец, при нем были все документы и пистолет. И, в этот момент немцы пришли к выводу, что лошадь испугались и понеслась, он ударившись об сосну виском и смерть наступила мгновенно.

Представьте себе, немцы сдержали обещание. Этот паренек Вася получил в награду коня и 500 марок.

Деревня якобы вошла в доверие и немцы пообещали, что не будут окружать нашу деревню и угонять в Германию людей. Каждый день поутру только и слышно было, что вот была окружена такая-то деревня и т.д., нашу деревню, пока не трогали и люди надеялись, что так и будет. Не тут то было, немец был обозлен, отступали они большими темпами, что бы укрепить свою позицию, немцы угоняли людей семьями в Германию, чтобы они работали на них, так как своей раб. силы у немцев не хватало.

1943 год 16-го июня. Мать поднялась рано утром корову доить, а ей след немецкое "халыт". Мать испугавшись кинула в сторону доску, как вырывается: "детки, мы окружены". Это было что-то неопишное, мы все схватились с постели прильнули к матери с плачем, а немецкая машина ездит по деревне орет в рупор, что бы скорее собирались, гнали нас в соседнюю деревню в двух км. от нашей, на комиссию. Старшая сестра Юля сказала: "Я прячусь в рожь, которая росла недалеко на загуменни, буду бежать убьют, как убьют". По ней стреляли, но слава богу обошлось. Старшую сестру Марию с ребенком на руках комиссовали. Мы стояли все в очереди на комиссию. Матери как-то удалось взять на руки маленького внука от старшей сестры, как это произошло я не помню, этим самым родители знали, что маленький на руках, мы все не трудоспособные и нас могут комиссовать, оказалось нет нас повели за проволоку, это значит в Германию. Сколько было слез и волокиты пока через старосту вернули ребенка сестре, а сума сходила, во-первых из-за нас что остается одна.

В общем, всех кто прошел комиссию погнали, как скот в Пинск в концентрационный лагерь. В лагере в казармах не было мест, были переполнены людьми. Многие в т.ч. и мы вынуждены были в течение почти недели жить под открытым небом, гроза, дождь все пережили. Спустя нескольких дней к нам в лагерь вернулась сестра Юля. Она сказала: что будет и мне, а на жизнь никто не рассчитывал. Собрали людей на полный вагонный состав, погрузили в вагоны и повезли. Что творилось вокруг, когда всех коллоной вели на станцию, поприезжали те, кто остался в деревнях провожать нас, это был сплошной крик, ужас — все это нужно только видеть, писать все это невозможно. Добирались в Германию долго. Помню, в Польше останавливались, там тоже проходили комиссию, прожарку одежды, тришки нас всех наголо.

Наконец, добрались в Германию, попали на какую-то биржу труда, а нас уже ожидали купцы, каждый выбирал — кого к себе взять на работу. Я имею ввиду, наша семья, попали на работу в имение одного барона имени Кубэ.

Отец, мать, сестра и брат работали на полевых работах, зимой куда пошлют. Работали по часам, как на фабриках и заводах, не дай бог опоздать, все расписано по минутам. Я и меньшая сестра Надя были дома. Поселили нас на втором этаже в одной комнатухе, а под низом была кузница, в комнате был невыносимый шум, звон, скрежет. Жили по карточкам. Взрослым полная карточка, а нам с меньшей сестрой одна на двоих. Кушать катастрофически не хватало. В комнате стояла буржуйка, на которой я с сестрой готовил обед. Представляете, что мы могли приготовить. Мать расскажет, какой либо суп сварить так и жили. Когда немного освоились, то я с сестренкой ходили попрошайничать по близлежащим деревням. Просили хлеба, и представляете, некоторые немцы даже жалели нас, давали нам хлеб, поношенную, но доvoli добротную одежду. Я очень часто ходила в магазин получать по карточке продукты, и вот однажды останавливает одна немка и просит, чтобы я ее детей глядела, а я уже кое, что понимала по-немецки, а где-то догадалась. Посоветовавшись с родителями, я согласилась. В доме жили две сестры, в одной было двое деток: мальчик и девочка, а у другой еще не было детей. Мужья их в обеих погибли на фронте. У них еще было пять братьев, и тоже четверо погибли, а самый маленький вернулся без левой руки по плечо.

Эти мои хозяйки сами проклинали Гитлера на чем свет стоит. Женщины оказались на славу хорошие и добрые. Они меня кормили одевали и с собой каждый день, что либо давали. Этим самым я помогала нашей семье. Так мы там прожили 2-ва года, до окончания войны. Пережили страх, голод. Ночью не возможно было спать от ¹⁹⁴⁵стоны самолетов, просто земля содрогалась. Американские самолеты бомбили ежедневно германские города. Мы жили на территории ФРГ, нас освобождали американцы.

Наконец самый счастливый день в моей жизни.

9 мая 1945 г. - день Победы. Слезы и слезы радости!

Сразу же после победы Сталин издал указ, чтобы все возвращались на Родину, кто был угнан в Германию. Вот тут-то мы тоже намаялись, представляете 2-ва месяца в дороге по лагерям из одного лагеря в другой почти не мытые, голые. Домой вернулись в деревню 12 июля 1945г. Все железные дороги были разрушены, приходилось перебираться на подводах, где-то на машинах, мосты разрушены, переправлялись на понтонных мостах, кругом груды развалин, как говорится не доведи бог никому такое пережить.

Выше я упомянула, что наконец-то мы дома. Дом наш уцелел, в нем жил сосед т.к. его на фронт не брали по болезни. Когда мы вернулись, он нам сразу уступил, наше место. Хата есть, а у хате пусто. Июль месяц, как говорится, не посеешь не пожнешь.

Я раньше писала, что самая старшая сестра была замужем, она оставалась в деревне, они там все вместе сохранили нам нашу шуструю корову.

В общем, немного сдарили нас и каким-то чудом перезимовали, хотя пухли руки, ноги от голода. Самые тяжелые годы были 1945-46-47г. Несмотря на все трудности в 1945г. я пошла в 13 лет в третий класс – учиться. Я была переросток, с меня смеялись, меньшие ребята обзывали меня – мамкой, но я не обращала внимания, продолжала учиться. Закончила 7 классов, поступила в Пинский отчетно-кредитный техникум по специальности бухгалтер госбанка. В 1953 году закончила его. По распределению я попала на работу в г. Дятлово, где и работала в Госбанке.

Потом вышла замуж, в связи с переводом мужа на другие работы приходилось и мне менять работу. Последняя моя работа, где я проработала 22 года непрерывно – Дятлово Ц.С.У.

Вот так, дорогие ребята, какое у меня было трудное детство.

Я всем вам желаю мира, добра, здоровья, успехов во всем.

Учитесь хорошо, у вас для этого есть все: прекрасные учителя, школы, выходы и одеты – счастья вам.

Несовершеннолетний узник Колпинская Вера Андреевна.

P.S. Ребята, я упустила вам еще рассказать одну, на мой взгляд, интересную историю..

У моей невестки – Жанны Юрьевны, в Германии живет ее тетя и двоюродный брат – Сергей. Они раньше жили в Новоельня. Я не помню, в каком году точно, он приезжал сюда, но где-то лет 5 – 6 тому назад. Он заезжал к нам, и мне пришлось с ним поговорить. Я ему рассказала, что во время войны я была там то там. Хотя они живут в Германии далеко от мест, где была я, но он пообещал, что съездит туда и все узнает про тех немцев, где я была. Он записал на видеокассету мое обращение к ним и завез туда. Он нашел этих детей, которых я нянчила. У них тоже свои взрослые дети и даже внуки есть. Те сестры обе умерли. На видеокамере все они запечатлены. У них есть моя видеопленка, а у меня – их. Живут они, я поняла не богато. Еще живой их брат, который вернулся с фронта без левой руки.

Так, что спустя более пятидесяти лет мы смогли пообщаться, хотя бы по видеомagneтофону.

Вот такая история.

Эта пленка у нас сохранена.

В помощь нашей истории
Жанна Юрьевна про жителя 2-6
фракции Топи про жителя 2-6
фракции Топи про жителя 2-6
фракции Топи про жителя 2-6